

№7 / 2022

TIL VA ADABIYOT TA'LIMI

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI
XALQ TA'LIMI VAZIRLIGINING
ILMIY-METODIK JURNALI

Elektron jurnal

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Я ПРЕПОДАВАНИЕ
ЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Электронный журнал

LANGUAGE AND LITERATURE
TEACHING | SCIENTIFIC-METHODOLOGICAL JOURNAL OF THE MINISTRY
OF PUBLIC EDUCATION OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Electronic journal

ISSN 2010-5584

«Til va adabiyot ta'limi»
«Преподавание языка и литературы»
«Language and literature teaching»

ilmiy-metodik jurnal / научно-методический журнал

Bosh muharrir

Bahodir JOVLIYEV

Tahrir hay'ati:

Baxtiyor Saidov
Dilshod Kenjayev
Nizomiddin Mahmudov
Nargiza Rahmonqulova
Yorqinjon Odilov
Nasirullo Mirkurbanov
Jabbor Eshonqulov
Valijon Qodirov
Baxtiyor Daniyarov
Abdurahim Nosirov
Tolib Enazarov
To'liqin Saydaliyev
Ravshan Jomonov
Zulxumor Mirzayeva
Qozoqbo'y Yo'ldoshev
Tajixon Sabitova
Salima Jumayeva
Nilufar Namozova
Qayum Baymirov
Lutfullo Jo'rayev
(bosh muharrir o'rinbosari)
Alijon Safarov (elektron nashr uchun)
Sayyora Halimova (elektron nashr uchun)

Muharrirlar:

Nilufar Namozova
Emma Torosyan
Nargis Bobodjanova

Sahifalovchilar:

Akmal FARMONOV
Gulnoza VALIYEVA

Tahririyat manzili:

100038, Toshkent shahri
Matbuotchilar ko'chasi 32-uy.
Telefon: (98) 121-74-16,
(71) 233-03-10, (71) 233-03-45, (71) 233-03-67.
e-mail: til_adabiyot@umail.uz
veb-sayt: www.tilvaadabiyot.uz

M U N D A R I J A

TAHLIL

Rashid ZOHIDOV. XIX asr yozma yodgorliklari – kasb-hunar risolalarining muxtasar tavsifi	2
M. ISMATOVA. Alisher Navoiyning "Farhod va Shirin" dostoni nashrlari qiyosiy tahlili.....	4
Obidjon XUDOYQULOV. Oybekning "Navoiy" va Isajon Sultonning "Alisher Navoiy" romanlari tahlili	6
Zilola SHUKUROVA. Bayoz tuzish an'anasi va uning adabiy jarayondagi ahamiyati	10
Xasan GAFFOROV. O'zbek tilshunosligida gender tadqiqotlar tahlili	12
Feruz Abdullayeva. Yil fasllari mavzusidagi ilmiy-ommabop badiiy maqolalarni o'qitish mashg'ulotlarining umumiy qurilishi	13
Shahnoza MAJIDOVA. Gidronimlarda nomlash tamoyillari va ularda oppozitsiya.....	15
Axrorov IXTIYOR. Jadid ma'rifatparvarlarining maorif va tarbiyaga oid qarashlari	17
Xamza XAITOV. Badiiy asar va folklor namunalarda sajn'ning qo'llanishi va estetik ahamiyati.....	18
Zarifa NORQOBILOVA. Mavlono Jaloliddin Rumiyning "masnaviyi-ma'naviy" asarida keltirilgan hikoyalardan multfilm yaratish g'oyasining pedagogik ahamiyati.....	19
Nigora SHARIPOVA. "Xamsa" ilk dostonlarida muallif siymosi	21
To'liqin ASADOV, Sojida MEHMONOVA. "Otamdan qolgan dalalar" asaridagi -la, -lan, -lash affiksli muallif nutqi neologizmlarining struktur-semantik tadqiqi	23
Rahmatov MARDON. She'riy jumla predikati va predikativlik muammosi	25
Bunyod ERGASHOV. Nemis tilini o'qitishda talabning kommunikativ madaniyatini shakllantirish rivojlantirishda pedagogik ahamiyati	29
Omonulla BAYJIGITOV. Lingvokulturologik frazeologizmlarning assotsiativ talqini	30
Mehriniso CHORIYEVA. Abdurahmon Tamkin Buxoriy tarjimai holi va ijodi xususida	31

TADQIQOT

Maqsud ASADOV. Yunus Emro she'riyatida ma'rifat va komil inson talqini	33
Abduhamid XOLMURODOV. Tahlilda benazir olim	35
Kamola ULUG'MURODOVA. O'zbek g'azalchiligida "Layli" obrazining badiiy talqini	37
Azamat ATAYEV. O'rta asrlar Xorazm adabiy muhiti xususida	39
Diana RUZMETOVA. Ingliz tilini o'qitishda grammatik interferensiyaning oldini olish tadqiqoti.....	41
R. X. JUMAYEV. Sadriddin Ayniy asarlaridagi joy nomlarining tahlili	43
Nazira BERDIYEVA. Zamonaviy o'zbek nasri taraqqiyotida badiiy psixologizmning o'rni	45
Lola IDIYEVA. Russian polysemy and their description in sentences	47
Rasul ALIMOV. Usmonli turk shoiri Larendeli Hamdiyning "Layli va Majnun" dostonidagi qasidalar badiiyati	49
To'liqin ALLAYOROV. Interrogativ qurilmalarda shakliy va mazmuniy muvofiqlik masalasi.....	50

KICHIK TADQIQOT

Karomat MULLAXO'JAYEVA, Nafisa RAXMANOVA. Alisher Navoiyning "Farhod va Shirin" dostonida Nizomiy an'analari va ularning yangicha talqini.....	52
Gulira'no RASULOVA. "Sab'ai Sayyor" dostonini o'rganishda matn tarixining o'rni	54
Abduraufxon ORIFJONOV. Munisning hayoti va ijodiga oid manbalar tahlili	55
Yulduz JUMABOYEVA. "Lison ut-tayr" turkumidagi dostonlarni qiyosiy o'rganish.....	56

YUZYKONZANIE

Azima HOШИМОВА, Гульчехра ДАВЛЯТОВА. Специфика эмотивных концептов	58
Мафтуна НАСРИДДИНОВА. Несколько слов об иноязычных заимствованиях в русском языке.....	59
Хилола ИРМАТОВА, Гульмира МАМАЖАНОВА. Теоретические основы вариантности орфоэпической нормы русского языка	60

ИЗУЧАЕМ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Насиба ПАНЖИЕВА, Мадинабону ДЖУРАБЕКОВА. Лингвистические основы обучения иностранному языку	62
---	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

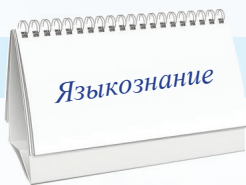
Шахноза БЕРДИЕВА. Образ автора в литературе нон-фикшн.....	64
--	----

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ижобат ЖУРАЕВА. Подросток и школа: характер конфликта в романе Ави «Ничего кроме правды»	66
--	----

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нилуфар УСМАНОВА, Гулчехра ДАВЛЯТОВА. Современный речевой дискурс и неориторика языковой личности.....	70
--	----

Азима ХОШИМОВА,
магистрант,
Гульчехра ДАВЛЯТОВА,
кандидат педагогических наук,
доцент Ферганского государственного университета

СПЕЦИФИКА ЭМОТИВНЫХ КОНЦЕПТОВ

В лингвистической литературе термин «концепт» стал общепринятым с начала 1990-х годов благодаря научным трудам Д.С.Лихачева и Ю.С.Степанова. Так, по мнению Д.С.Лихачева, «концепт – это лингвофилософская единица, появившаяся благодаря антропоцентрическому подходу в языкознании» [1]. Понятие определяет и группирует почти все возможные значения любого данного слова и их развития.

Согласно психологической конструкционистской теории концептуальных действий, эмоция возникает, когда информация от собственного тела или тел других людей становится значимой в свете текущей ситуации с использованием концептуальных знаний об эмоциях.

По определению Я.Рейковского, «эмоциональный концепт – это особая форма метарегуляции психических процессов, основанная на знаковой репрезентации, которая обеспечивает обобщенную, абстрактную, социально-выработанную категоризацию и организацию информации об эмоциональных переживаниях в виде системы взаимосвязанных языковых значений» [2].

Эмоциональный язык – это термин, используемый при выборе определенных слов, чтобы вызвать у читателя эмоциональный отклик.

Этот тип языка часто направлен на то, чтобы убедить читателя или слушателя разделить точку зрения автора или говорящего, используя язык, специально выбранный для стимулирования эмоциональной реакции.

Поскольку теперь мы знаем ответ на вопрос «Что такое эмоциональный язык в русском языке?», посмотрим, как писатели могут его использовать.

Эмоциональный язык можно использовать по-разному. Примеры эмоционального языка вы найдете в таких видах разговорной речи, как *речь, устные выступления, общедоступные адреса, дебаты, повседневный разговор* [3].

Часто он используется в творческих или художественных произведениях, чтобы дать читателю динамичный и увлекательный опыт. Эта техника распространена в *романе, поэзии, коротких историях, играх*.

Может использоваться эмоциональный язык и в документальной литературе, например, в *биографии, газетных статьях, мнениях, личных блогах*.

В качестве примера приводим следующий отрывок из речи Мартина Лютера Кинга-младшего

во время Марша в Вашингтоне за рабочие места и свободу в 1963 году: «У меня есть мечта, что однажды на красных холмах Грузии сыновья бывших рабов и сыновья бывших рабовладельцев смогут вместе сесть за братский стол. Я мечтаю, что однажды даже штат Миссисипи, штат, изнуряющий жаром несправедливости, жаром угнетения, превратится в оазис свободы и справедливости».

Этот отрывок включает в себя ряд примеров эмоционального языка. Например, фраза «У меня есть мечта» использует личное местоимение, предлагая слушателям разделить видение Кинга о лучшем мире, и настойчиво повторяется на протяжении всей речи.

«Братство» – это абстрактное существительное – слово, описывающее идею или концепцию. Кинг использует его, чтобы призвать аудиторию к тому, что представляет собой «братство» – принятию, равенству и общности.

Кинг также использует метафорический язык, описывая штат Миссисипи как «задыхающийся» от несправедливости и прохладный «оазис» свободы, которым он мог бы быть. Использование сенсорных описаний тепла помогает проиллюстрировать трудности борьбы за гражданские права, а также напомнить своим зрителям, к чему они стремятся. Эта часть выступления призвана мотивировать активистов гражданских прав продолжать протестовать в защиту своих прав.

Только из этого короткого отрывка мы можем увидеть, как определенные слова вносят свой вклад в общий смысл речи и побуждают людей принять его послание.

Следующий входящий в эмотивность концепт – это эмоциональные слова, которые будут иметь эмоциональное воздействие. Некоторые слова вызывают сильную эмоциональную реакцию у большинства читателей или слушателей и имеют определенный вес, который трудно игнорировать. 1) **прилагательные** – *ужасный, чудесный, волшебный и трагический*; 2) **абстрактные существительные** – *свобода, гордость, справедливость, любовь и ужас*; 3) **глаголы** – *уничтожено, оправдано, спасено, предано и обожжено*; 4) **эмоциональные наречия** – *гневно, вызывающе, гордо, красиво*.

По утверждению Н.С.Валгиной, «наречия – это слова, которые изменяют глагол, прилагатель-

ное или другое наречие» [4]. Их можно использовать для описания того, как что-то было сказано или как было выполнено действие, что делает их полезными инструментами в эмоциональном языке. Наречия также могут использоваться для описания специфики действия, например, наречия степени, показывающие читателю насколько сильно что-то произошло, или наречия частоты, уточняющие как что-то было сделано: *лениво, блестяще, счастливо, с гордостью, тупо*.

Один из важных квалификаторов наречий – избыточность многословия и эмоциональных наречий. Например, сравним два предложения: 1) *Евгений быстро побежал домой*; 2) *Евгений помчался домой*. Хотя эмоциональные наречия – простой способ привнести эмоции в письмо, иногда одно слово может быть более резким и точным. Эмоциональ-

ные наречия могут резко изменить тон письма, поскольку помогают читателю понять взгляды автора.

На тон также может влиять использование слов низкой или высокой модальности. Например, фраза *«Ты никогда не будешь певцом»* гораздо более эффективна, чем фраза *«Возможно, ты не будешь певцом»*. Использование эмоциональных наречий, прилагательных и глаголов может иметь огромное значение для смысла произведения.

Таким образом, эмоциональный концепт представляет невербальные средства общения, в наибольшей степени выражающие истинное отношение говорящего к явлениям окружающей действительности и в значительной степени определяющие особенности коммуникативного поведения, оказывая сильное влияние на процесс взаимодействия.

Литература

1. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М., 1997.
2. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979.
3. Катермина В.В. Эмоции в художественном тексте / Сборник научных трудов «Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты», вып. 32. Тверь: Тверской государственной университет, 2015.
4. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. Учебное пособие для студентов вузов. М., 2001.

Мафтуна НАСРИДДИНОВА,

магистрант Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

На протяжении всего развития в любом языке происходит процесс заимствования слов из других языков, что вызвано слиянием и взаимообогащением культур. Самым подвижным пластом языка считается лексический, быстро реагирующий на какие-либо изменения, происходящие в обществе и мире в целом. В статье мы попытаемся показать различные точки зрения на определение иноязычных заимствований в русском языке.

Многие лингвисты считают, что язык можно рассматривать как «живой организм», который «растет» как внутренне, так и подвергаясь внешним деятельностным воздействиям. Следовательно, между разными языками постоянно происходят различные взаимодействия, в результате которых многие языки заимствуют новые слова, развивая и обогащая национальные языки. Заимствованные слова демонстрируют лексическую энергию «принимающего» языка, поскольку новые слова адаптируют грамматические нормы «принимающего» языка. Русский язык является примером того, как язык может постоянно обогащаться

заимствованиями из других языков под влиянием различных политических, экономических, социальных и исторических процессов. В настоящее время вопрос об иностранных заимствованиях весьма актуален в контексте современного политического, экономического и социального развития современного общества.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» можно найти следующее определение: «заимствование – это элемент иностранного языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), передаваемый из одного языка в другой в результате языковых взаимодействий, а также процесс перехода элементов одного языка в другой» [1, с. 231].

Очень часто внешние факторы становятся первопричиной лексических заимствований. Основной внешней причиной являются прочные политические, экономические и культурные связи между людьми. Д.Э.Розенталь в книге «Современный русский язык» определил ряд заимствований: «В петровское время многие слова были

заимствованы из немецкого и голландского языков. В этот период русский язык под влиянием экономических и социальных контактов с Германией и Голландией обогатился такими словами, как *бутерброд, бухгалтер, вексель, ефрейтор, юнкер* из немецкого языка. Из голландского языка пришли морские термины: *верфь, гавань, лоцман, флот, шкипер* и др.» [2, с. 65-66].

О.С.Ахманова определяет заимствование как «использование лексического фонда других языков для выражения новых понятий, дальнейшая дифференциация уже существующих и образование новых и ранее неизвестных объектов» [3, с. 264].

Важно подчеркнуть, что внутриязыковые и внешние причины заимствований взаимосвязаны. Социальный запрос на уточнение различных понятий обуславливает тенденцию использования более точных и дифференцированных определений различных понятий. Другая внутриязыковая причина заимствования – замена длинного описательного определения определением одним словом, вытесняющая исконно русское описательное выражение одинакового с ним значения. Например, *снайпер* вместо *меткий стрелок*, *турне* вместо *кругосветное путешествие*, *мотель* вместо *гостиницы для автотуристов*, *спринт* вместо *бег по предписанной дистанции* и т.д.

В зависимости от уровня адаптации заимствованных слов в русском языке можно выделить несколько существенно различающихся по стилю групп.

1. Слова, явно утратившие явные признаки своего иностранного происхождения: *картина, кровать, стул, тетрадь, школа*.

2. Слова, сохраняющие некоторые внешние признаки нерусского происхождения: иноязычное звучание – *джаз, вуаль, жюри*; нерусские суффиксы – *техникум, директор, студент*; префиксы – *трансляция, антибиотики*; несклоняемые слова – *кино, кофе, пальто*.

3. Общеупотребительные слова из области политики, науки, искусства и культуры со схожим звучанием в других европейских языках. Такие слова называются интернациональными, например, *телеграф, телефон, интернет, компьютер* и др. Эта группа заимствованных слов не имеет русских синонимов и используется в повседневной речи без каких-либо ограничений [4, с. 31].

К сожалению, при употреблении заимствования иногда происходит повторение его значения в словесном выражении, т.е. возникает проблема плеоназма, например, *короткий брифинг* (briefing), *ландшафт местности* (Landschaft), *короткий блицтурнир* (Blitz-Turnier), *народный фольклор* (folklore) и т.д. Это неуместное использование иностранных слов.

Таким образом, очевиден факт, что в русском языке действительно много заимствованных слов, используемых в различных сферах жизни общества, количество которых постоянно увеличивается, что обусловлено процессом глобализации, захватившим все сферы жизни человека.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева, изд. 2, доп. М.: Большая российская энциклопедия, 2002.
2. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык, изд. 11. М.: Айрис-пресс, 2010.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов, изд. 2, стереотип. М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004.
4. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания, 2002, №6.

Хилола ИРМАТОВА,

магистрант,

Гульмира МАМАЖАНОВА,

преподаватель Ферганского государственного университета

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВАРИАНТНОСТИ ОРФОЭПИЧЕСКОЙ НОРМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

В настоящее время на русский язык влияют различные факторы – пресса, телевидение, радио, Интернет, иностранные языки. Эти процессы могут быть как положительными, так и отрицательными и сильно влияют на колебания кодифицированных норм.

Во многих случаях варьирование орфоэпических норм происходит не только из-за орфоэпической несостоятельности или субъективного

мнения. Многие ошибки не случайны и предопределены подобными или другими системными явлениями живого литературного языка. Назовем причины, по которым следует обратиться к нормам правильной русской речи (в частности, нормам произношения) и их дополнительному изучению. На сегодняшний день вопрос о нормах произношения в современном русском языке остается открытым.

Орфоэпические нормы как часть звуковой стороны языка постоянно меняются и тесно связаны с обычным употреблением. Обычное использование стало играть важную роль в кодификации норм. Орфоэпические словари составлены по принципу описательного подхода. Описательный принцип следует изучать постоянно. При описании норм произношения лингвисты работают над детальным анализом норм орфоэпии и установлением последовательности их появления и закрепления в соответствии с историческим развитием. Освещение вопросов, связанных с действующими в различных регионах общеупотребительными орфоэпическими нормами, всё более необходимо для современной науки.

В наши дни не трудно найти научные работы по описанию норм и вариантов произношения в современном русском языке. Ученые комментируют такие понятия, как орфоэпия, норма, вариант, вариантность, вариативность, обычай, кодификация норм. Кроме того, возникают вопросы, связанные с актуальной составляющей этого явления и уточнением возраста носителей обыденных говорящих норм современного русского языка. Последние наблюдения за изменениями в речи носителей литературного языка разных возрастных групп позволяют говорить об актуальности изучения вопроса с точки зрения особенностей той или иной области. Таким образом, справедливо сказать, что вопрос современного произносительного стандарта по-прежнему актуален.

Недостаточная изученность общеупотребительных орфоэпических норм в регионе обусловила необходимость наблюдения за уровнем орфоэпической грамотности горожан. Большое значение придается также отслеживанию тенденций развития привычных правил произношения в конкретной городской среде и выявлению уровня представленных категорий современных нормативных явлений, определяемых как обычно. Люди способны артикулировать звуки с рождения, однако культура диктует нам нужные для выбора звуки, из которых мы формируем определенный язык. Силу культурного влияния можно увидеть при взаимодействии с людьми, принадлежащими к нашей культуре, и с незнакомыми нам.

Необходимо включить в словари специальные орфоэпические знаки, отражающие особенности местного произношения. Многие ученые занимаются проблемой современных норм произношения. Теоретическую основу нашего исследования составили работы российских фонетиков Д.Н.Ушакова, Ю.И.В.Щербы, Р.И.Аванесова,

А.А.Реформатского, В.В.Виноградова, О.С.Ожегова, Г.О.Винокура, А.М.Пешковского, К.С.Горбачевича, Л.П.Крысина, Р.Ф.Касаткиной, Л.Л.Касаткина, посвященные развитию литературного языка, русской орфоэпии и орфоэпических норм русского языка. К настоящему времени учеными освещены следующие аспекты темы: порождение орфоэпической нормы как сети правил произношения; стандарты произношения и варианты произношения; особенности произносительных литературных норм; литературные нормы и вариативность языковых единиц, источники отклонений от норм литературного произношения; норматив литературного произношения; типы стилей произношения.

О.В.Антонова, Л.А.Вербицкая, Г.В.Степанов, Ф.П.Филин, В.И.Чернышов, К.И.Чуркина, А.Д.Швейцер и другие лингвисты проработали следующие аспекты технического задания: социолингвистическая зависимость произносительных норм в диалектной среде; локальная коннотация литературно-разговорной речи; социолингвистическое исследование локальных особенностей русского литературного произношения; территориальная вариация русского литературного произношения (на примере речи вологодцев и пермяков); изменение современной орфоэпической нормы и актуальных орфоэпических рекомендаций; произносительные особенности речи жителей малого города; региональные особенности произносительной системы современного русского языка; особенности влияния диалектного языка; нормы произношения согласных и их сочетаний; нормы произношения некоторых грамматических форм; своеобразное произношение заимствованных слов; динамичность и вариативность орфоэпической нормы; кодификация произносительной нормы в процессе зарождения и развития литературного языка.

Для людей, не вполне владеющих нормами литературного произношения и ударения, характерно стяженное произношение русских имен и отчеств, например, [Ван-ваныч], [Сан-саныч]. Оба варианта произношения не характерны для нейтрального, т.е. основного стиля произношения, и их следует избегать в повседневном общении. Произносить имена и отчества отчетливо, без стяжения, близко к написанию допустимо только при чтении официальной информации.

Результаты обучения нормам ударения и произношения на конкретном лексическом материале, в том числе и по специальности, во многом определяются тем, насколько регулярно и в какой последовательности ведется эта работа.

Использованная литература

1. Загоровская О.В. Вариативность нормы в русском языке начала XXI века и задачи создания современного учебного нормативно-стилистического словаря // Известия ВГПУ: Гуманитарные науки, 2015, №1 (266).
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, в 4 т., т. 2. М.: Дрофа, 2011.

Насиба ПАНЖИЕВА,
доцент,
Мадинабону ДЖУРАБЕКОВА,
магистрант Термезского государственного университета

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Методика обучения иностранному языку является наукой о преподавании и изучении иностранного языка. Она устанавливает те закономерности, которые лежат в основе учебной деятельности преподавателя и учащегося, направленной на овладение особым видом практической деятельности.

Методика непосредственно связана с психологией, лингвистикой, педагогикой, психолингвистикой, соотносится также с теорией информации, коммуникации и с математической статистикой. Взаимодействие с другими науками способствует развитию теории и практики обучения иностранному языку. В практику преподавания иностранного языка успешно внедряются методы и приёмы обучения, основывающиеся на применении технических средств и программированного обучения.

Связь между методикой обучения иностранному языку и лингвистикой имеет место на протяжении всей истории развития методики как науки. Этот вопрос решается до сих пор в двух противоположных направлениях [1]. Одни ученые считают, что методика преподавания иностранного языка является частью общей методики, педагогики и дидактики и имеет к лингвистике лишь косвенное отношение, другие ученые видят в методике преподавания иностранного языка прикладную область лингвистики.

Методика обучения иностранному языку имеет свой круг задач и проблем, разработка которых требует постоянного сотрудничества со смежной наукой – лингвистикой, необходимого потому, что именно лингвистика разрабатывает общие методологические основы изучения языка и речи и она же занимается анализом конкретного языкового материала, даёт ему научно-обоснованную объективную интерпретацию. И то, и другое имеет большое значение для методики.

Однако решая задачу какому языковому материалу и как учить, методика руководствуется не только данными лингвистики, но и своими изысканиями в области языка. Р.Ладо пишет в этой связи, что лингвистика исследует только то, что может объективно описать исходя из своих науч-

ных предпосылок, а методика должна заниматься всеми аспектами языка независимо от того, доступны они или нет объективному лингвистическому описанию [2, с. 19].

В последнее время взаимная связь двух наук крепнет и активизируется, так как лингвисты всё чаще видят в обучении языку благоприятные условия для проверки полученных данных, а методисты смелее пользуются лингвистическими теориями в решении своих проблем.

Опираясь на данные смежных наук, методика строит свою модель процесса обучения иностранному языку исходя из тех практических задач, которые общество ставит перед этой наукой.

В рамках принятого когнитивного подхода к исследованию языковых единиц необходимо рассмотреть также некоторые положения когнитивной семантики, используемые в данной работе. В активно разрабатываемой области семантики предлагаются разные варианты ее когнитивных версий – прототипическая семантика, концептуальная, фреймовая семантика [3]. В самой когнитивной лингвистике отмечаются изменения в ориентации исследований, позволивших более активно использовать когнитивный подход применительно ко всем разделам лингвистики.

К изучению ментальных или когнитивных процессов на основе лингвистических данных когнитивная наука обратилась в последнее десятилетие. По определению Е.С.Кубряковой, когнитивная наука – это наука о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности, накопленных людьми в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-то образом репрезентированы сознанию и составляют основу ментальных или когнитивных процессов [4]. Когнитивный подход уже продемонстрировал плодотворность своего применения, наиболее показательным результатом которого является издание первого в мире краткого словаря когнитивных терминов с пояснениями, общим представлением о становлении и развитии науки, приведением терминов. По данному в словаре определению, когнитивная лингвистика – это

лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации [2]. В рамках когнитивной лингвистики выделяются две центральные проблемы: способы концептуальной организации знаний в процессах понимания и построения языковых сообщений; структуры представления различных типов знания.

Таким образом, в сознании говорящего объектом является какая-либо когнитивная структура, единой связью объединяются объекты, представление об объекте и его имя, которое при этом выступает в виде фиксатора определенных когнитивных структур. Значение имени – концепты, объединенные его телом. Это результат вербализации концептуальной структуры, при котором набор концептов подводится под материальную оболочку знака [5, с. 10]. Являясь отражением когнитивных структур, языковые формы определяются целым рядом когнитивных феноменов – общей концептуальной организа-

цией, структурами представления знаний, особенностями протекания процесса категоризации. Язык выявляет, объективирует то, как увиден мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризован сознанием. Каждая языковая единица рассматривается как результат действия когнитивных процессов [6, с. 38].

В значении слов накапливаются и сохраняются знания об отраженном в сознании человека мире, при этом компоненты значения закреплены в семантической памяти, которая, будучи динамичной и постоянно работающей системой, выбирает новые и преобразует старые значения [7, с. 66].

Таким образом, использование в обучении иностранному языку когнитивной науки в целом и когнитивной лингвистики в частности отвечает целому ряду критериев эффективного процесса обучения, выполняющего функцию «упаковки» знаний, наименования отдельных фрагментов реальности, а также играет большую роль с точки зрения последствий этого наименования – фиксации, хранения, дальнейшей передачи знаний об отдельных составляющих мира.

Литература

1. Панжиева Н.Н. Когнитивный аспект оценочных номинаций лица в английском и узбекском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент: НУУз, 2004.
2. Lado R. Moderner Sprachunterricht. München: Verlag: Hueber, 1969.
3. Кубрякова Е.С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 2009.
4. Кубрякова Е.С., Демянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 2001.
5. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1978.
6. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Наука, 1997.
7. Лапшина М.Н. Семантическая эволюция английского слова: изучение лексики в когнитивном аспекте. Санкт-Петербург: Изд-во СПб. ун-та, 1996.

Шахноза БЕРДИЕВА,
доктор философии по филологическим наукам,
старший преподаватель Термезского государственного университета

ОБРАЗ АВТОРА В ЛИТЕРАТУРЕ НОН-ФИКШН

Литература нон-фикшн – разновидность словесно-художественного творчества на стыке литературы и публицистики, где главное не вымысел, а достоверность, «документально точное» изображение явлений, событий, героев, переданных через авторское мировосприятие.

В произведениях с документальным началом категория автора специфична. Во-первых, необходимо учитывать «медиумную функцию автора», так как автор выступает или как очевидец, участник событий, или как летописец, хроникёр события – «автор, выслушивая, записывая и пропуская через себя рассказы-исповеди множества разных людей, даёт своим героям толчок, импульс памяти, её направление – в интимный мир души, где приоткрывается драматизм того или иного события, особенности его восприятия» [1, с. 77]. Во-вторых, автор должен сопроводить документ своим комментарием, осмыслить прошлое с позиций сегодняшнего дня. В-третьих, образ автора включает и внутритекстового автора, способного принимать не только разнообразные маски, но и выстраивать свою особую форму повествования в тексте.

В русском литературоведении к специфическим признакам относят фактуальность, точность и достоверность изображаемого материала. Так, Н.Б.Иванова утверждает, что в данном промежуточном жанре сводится к «минимуму творческий вымысел». Здесь, по мнению ученого, главное – «...отбор фактов. Расширение информативности. Всестороннее исследование документов. Реальные персонажи (узнаваемые личности). Автор равен себе – реальному. Имя автора – Я» [2, с. 38].

Функционирование жанров с главенствующим документальным началом, по Е.Г.Местергази, прямо соотносится с литературной плоскостью, что позволяет рассматривать некоторые произведения нон-фикшн как литературные жанры.

Вместе с тем Местергази выделяет следующие характерные признаки данного типа литературы – достоверность, документальную образность, своеобразие образа автора, «наивное письмо, как художественная реальность» [3, с. 49].

Того же мнения придерживаются В.С.Муравьева, А.Е.Мачеева, С.Чупринин и др., полагающие, что художественная правда в произведениях нон-фикшн базируется на реальном факте, где авторское «я» имеет особое значение [4, с. 82–84].

Интересна точка зрения Г.М.Казаковой, разграничивающей свойства нон-фикшн, беллетристики и публицистики: «...в нон-фикшн автор должен быть предельно точен, выдумка лишает произведение всякой ценности. Нон-фикшн – это пример чистой информации, свободной от каких бы то ни было идеологических наслоений. <...> В нон-фикшн романах допускаются драматические и художественные приёмы. Композиция подобного произведения часто похожа на драматическую. От публицистики же нон-фикшн отличается количеством времени, прошедшим с момента событий, либо объёмом написанного. <...> Для создания произведения нон-фикшн необходимо соблюдение важных условий: автор является признанным экспертом по своей теме, а для литературы данного жанра важны краткость, полезность и оперативность, а также степень искренности произведения» [5, с. 10].

Авторское присутствие в «Архипелаге ГУЛАГ» А.Солженицына реализовано за счёт субъектной организации текста: от первого лица единственного числа как участника события; от первого лица множественного числа, позволяющего сконструировать общий голос народа; от третьего лица как свидетеля и интерпретатора событий. В «Архипелаге ГУЛАГ» автор-повествователь представлен

в различных обликах: участник событий, прозорливый очевидец, хроникёр-мемуарист, учёный-исследователь, опытный наставник. Каждый лик автора, сливаясь воедино, придаёт целостность и монументальность травматическому опыту советского народа в годы сталинских репрессий.

Если в указанной книге образ автора реализуется за счёт совмещения разных типов авторского «я», то в произведении «У войны не женское лицо» С.Алексиевич присутствие автора представлено через медиумную функцию. В разветвлённой системе авторского «я» образ автора открыто проявляется на уровне композиции. В каждой части книги за счёт перехода от «я» к «мы» и обратно представлен голос поколения, выступающего от имени женщин, за плечами которых травматический опыт пережитых трудных лет, в каждой главе образ автора представлен специфическими чертами. Так, в экспозиционном предисловии наблюдаются разные авторские лики: голос поколения, философ-хроникёр, автор-публицист, а в главах образ автора выстроен как «многослойная субъектная структура», состоящая из повествующего (биографического) автора, действующего (эксплицитного) автора, повествующего в настоящем времени и «оценивающего» автора. Все авторские маски, сконцентрировавшись на функциях слушателя и фиксатора, отражают авторскую концепцию – передать женское знание о войне как о самом чудовищном изобретении человечества.

Произведение Н.Каримова «Чулпан», обозначенный автором как *маърифий* роман (в переводе с узбекского *просветительский*, однако он не имеет ничего общего с просветительским романом западноевропейской литературы, сосредоточенным на исследовании современной жизни), – одно из лучших произведений нон-фикшн в Узбекистане, где автор синтезировал научный и творческий подход в интерпретации самобытной личности узбекского поэта и просветителя. Маърифий роман – авторский жанр о выдаю-

щейся личности, который основан на архивных материалах, свидетельствах очевидцев, беседах с родственниками и современниками. Маърифий роман, как правило, создаёт полноценный художественный образ выдающейся личности, ведущими признаками которого являются документальность и достоверность.

Цементирующим элементом повествования в книге «Чулпан» является образ автора. Авторское присутствие выражается не только междометиями, риторическими вопросами и умолчаниями, но и авторскими отступлениями, лирическими обрамлениями, непосредственным нахождением автора внутри текста.

Если С.Алексиевич в произведении «У войны не женское лицо» слушает, записывает рассказы-исповеди, то Н.Каримов все воспоминания, сцены, эпизоды пропускает через собственное авторское видение. Его авторский взгляд постоянно балансирует в двух системах временных координат – современности и первой половине XX века.

Как и у А.Солженицына в «Архипелаг ГУЛАГ», и у С.Алексиевич «У войны не женское лицо», в маърифий романе «Чулпан» в зависимости от характера изложения автор имеет несколько ипостасей: учёный-исследователь, автор-публицист, автор-собеседник, опытный наставник. Все эти роли тесно переплетаются и создают тот самобытный образ автора, особо воздействующий на читателя с одной стороны и позволяющий всесторонне представить образ творческой личности – с другой.

Схема создания образа в романе «Чулпан» Н.Ф.Каримова не строится по принципу чередования масок (это характерно для А.Солженицына), а на основе перетекания из одного состояния в другое. Принцип текучести, мягкого перехода от одной авторской маски к другой характерен для авторского «я» в узбекском маърифий романе. Именно плавное переключение авторских функций позволяет воспринимать данный текст и как документальный, и как художественный.

Литература

1. Сивакова Н.А. Функции автора в повествовательной структуре «новой» документальной литературы // Известия Гомельского государственного университета имени Ф.Скорины, 2006, №1 (34).
2. Иванова Н.Б. По ту сторону вымысла // Знамя, 2005, №11.
3. Местергежи Е.Г. Литература нон-фикшн/non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. М.: Совпадение, 2007.
4. Муравьёва В.С. Документальное // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н.Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001; Мачеева А.Е. К вопросу о духовной прозе как литературе нон-фикшн // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания», 2015, №3 (37); Чупринин С.И. Non fiction литература / <https://lit.wikireading.ru/11634>
5. Казакова Г.М. Нон-фикшн в современной книжной культуре // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств, 2016, №3 (47).

Ижобат ЖУРАЕВА,

независимый соискатель Узбекского государственного университета мировых языков

ПОДРОСТОК И ШКОЛА: ХАРАКТЕР КОНФЛИКТА В РОМАНЕ АВИ «НИЧЕГО КРОМЕ ПРАВДЫ»

Период рубежа XX–XXI веков становится ключевым в популяризации романа о молодежи. Тема молодежи привлекает исследователей потому, что затрагивает реальные проблемы, связанные с воспитанием, подрастанием молодых людей, литература о молодежи привлекает внимание не только литературных критиков, но и специалистов в сфере педагогики, психологии и социологии. Указанный период дал миру немало интересных работ, поднимающих тему молодежи. В американском романе 1990-х молодежная тема рассматривается на материале многих произведений, наиболее характерными образцами, по нашему мнению, являются произведения Ави, Октавии Батлер и Лори Андерсон.

Одним из произведений, удостоившихся нескольких литературных наград, таких как Newbery Honor Book (1992) – за самый выдающийся вклад в американскую литературу для детей, Horn Book-Boston Globe Award Honor Book (1992) – за лучшую детскую и подростковую литературу, Garden State Teen Award (1995) – за популярность книги среди подростков и качество письма, YALSA One of the Best Y As from the last twenty-five years (1994) – за звание лучшего молодежного романа за последние 25 лет и ряд других литературных наград были присвоены за стиль, популярность среди редакторов и библиотечных ассоциаций документальному роману Ави «Ничего кроме правды: (Nothing but the Truth: a Documentary Novel by Avi, 1991).

Ави (Avi) – писатель, известный всей американской литературной среде своими романами о детях и подростках, но весьма мало изученный литературными критиками. Поскольку нашему читателю имя автора неизвестно, мы приводим некоторые факты из его биографии. Получивший имя Ави в детстве от сестры, далее Эдуард Уортис (Edward Irving Wortis) использует это имя в качестве литературного псевдонима. Свою карьеру Ави начинает библиотекарем. С рождением своего первого ребенка он начинает карьеру писателя произведений для молодых людей. Первым его литературным произведением стала книга с картинками «Things That Sometimes Happen: Very Short Stories for Little Listeners» («Вещи, которые иногда случаются: очень

короткие истории для маленьких слушателей») (перевод наш. – И.Ж.), написанная в 1970 году.

Ави является автором более 80 книг (указаны на сайте автора). Среди наиболее популярных мы можем выделить «Encounter at Easton» (1980), «The Fighting Ground» (1984), «True Confessions of Charlotte Doyle» (1990), «Nothing but the Truth» (1991), «Poppy» (1995), «Crispin: the Cross of Lead» (2002), после публикации которых автору был присвоен ряд престижных литературных наград. Наряду со всемирно известными романами таких авторов как Казуо Ишигуро, Шерман Алекси, Джоан Роулинг, большое количество книг Ави было удостоено награды ALA Notable Books (Известные книги Американской литературной ассоциации).

Книги Ави богаты разнообразием жанров, а его ценнейшим вкладом в литературу являются его романы о молодом поколении.

В предисловии к роману автор отмечает, что провел несколько лет в комнате для учителей, наблюдая и слушая истории из их работы. Здесь автор также смог собрать достоверную информацию о жизни школы при беседе с учителями: «As a writer of books for young people, I've been visiting schools for more than thirty years. When I am in schools I'll visit any number of classes...The lounge is one of the few schoolrooms that is truly off-limits for most students. It's here that teachers find time

for a moment of relaxation, a flash of quiet, or an exchange with another teacher about what might be going on in the building that day.

And there I sit, listening to it all.

It's wonderful how much you can learn by just being quiet and listening. Sometimes you even learn the truth—or what seems to be the truth» [1].

История анализируемого романа не является автобиографией, и все герои романа – вымышленные лица, однако для сюжета автор берет детали из реальных наблюдений в американских школах, проведенных им в течение 30 лет. Сюжет романа «Ничего кроме правды» (1991) происходит в вымышленном городе Нью-Гэмпшир. Роман показывает историю абсурдного события, произошедшего в одной из школ города (Харрисон), попавшего в события дня прессы

и оставившего негативные последствия на социальном положении невинных людей. Филип Мэллой (Philip Malloy), девятиклассник, имеющий хорошую успеваемость в школе и достижения в спорте (его приглашают в команду по бегу для участия в олимпиаде), перейдя в старшую школу находит предмет английского языка и литературы скучным, ему не симпатична его учительница, Мисс Нарвин (Miss Narwin), не нравится как она выглядит, как ведет себя. Он думает, как сдать экзамен по этому предмету не прочитав ни одной книги. Однако на экзамене за зимний семестр в классе мисс Нарвин Филип получает тройку (сGrade) после того, как написал легкомысленный ответ на вопрос в сочинении, также легкомысленно ведет себя на уроке, отпуская шуточки по поводу изучаемого в классе материала. Таким образом, в конце года Филип проваливает предмет мисс Нарвин, и ему не позволяют участвовать в командном беге – таковы правила школы. Это может разочаровать отца Филипа, который мечтал быть на олимпиаде, сам был отличным бегуном в детстве, но финансовые семейные обстоятельства вынудили его бросить школу и работать, чтобы прокормить семью.

Этот момент мы называем первой завязкой романа, когда Филип начинает искать повод, чтобы спровоцировать и досадить учителю английского, так как считает ее виновной в своей неудаче. Он решает напевать национальный гимн, который по традиции следует слушать стоя в полной тишине. Каждое утро радио школы объявляет «*Please all rise and stand at respectful, silent attention for the playing of our national anthem.*» [1, с. 6] (Пожалуйста, встаньте все и стойте в почтительном молчаливом внимании при исполнении нашего национального гимна (перевод наш. – И.Ж.). Рассердившись на мисс Нарвин, Филип решает напевать с закрытым ртом вместе с радио, тем самым создавая беспокойство и абсурдную ситуацию в классе. Так он продолжает до тех пор, пока мисс Нарвин не просит его покинуть класс; после нескольких предупреждений завуч школы доктор Паллени (Dr. Palleni) отстраняет Филипа от посещения школы на два дня (здесь начинается вторая завязка). Родители Филипа, знающие только часть истории, считают, что права их сына ущемлены и обращаются к Тэду Гриффину (Ted Griffen), который баллотируется в школьный совет. Так история обретает огласку не только в округе, но и в других штатах Америки.

Форма этого романа достаточно оригинальна, автор смело идет на эксперимент с формой, разрабатывает необычный способ композиции произведения. Роман был написан автором в разгаре его творческого пути, и можно увидеть сколько опыта было вложено в содержательную форму.

Жанровые особенности романа весьма своеобразны, так как автор называет роман «документальным», хотя сюжет строится не на реальных событиях, а на отрывках из дневника, письмах, коротких заметках, телеграммах, отрывках из гимна, выполненных в школе заданиях, публичных речах, радиозаписи и чатов на экране, что дает автору идею дать продолжение заглавия «*A Documentary Novel by Avi*». Здесь уместно вспомнить выражение Кржижановского, который говорил, что заглавный лист должен быть «сплошным смыслом, конденсацией текста в фразу» [2, с. 12]. Использование жанра и псевдонима как продолжение заглавия романа наводит нас на мысль, что автор пытается передать читателю ход событий так, как будто они происходили в реальности и свидетелем которых он стал. Роман также содержит множество диалогов, что придает ему динамичность.

Далее следует развитие романа: история о школе, в которой учитель запрещает «петь» гимн, находит огласку в репортерских статьях и радиовещании. Все осуждают учителя и отправляют ей и школьной администрации письма и телеграммы с требованием уволить учителя, обвиняя ее в «*lack of ability*» (отсутствии способностей) [1, с. 140] (перевод наш. – И.Ж.), «*attacking kids who express their love of our country*» [там же, с. 141] (нападении на детей, которые выражают свою любовь к нашей стране). Так обвинения в непрофессионализме и не вере в патриотизм подрывают не только доброе имя учителя с более чем двадцатилетним стажем работы в той же школе, с ценностями быть заботливой и справедливой по отношению к детям, но и ее дух, что становится еще одним поводом для мисс Нарвин задуматься о современной системе в школе, о современных детях и их родителях. В письмах к своей сестре Аните Уигэм (Anita Wigham) она обращается к ученикам как к умным и независимым, но в то же время не заботящимся ни о чем кроме себя: «*All the same, I remain steadfast in my belief that my life was meant to be the bringing of fine literature to young minds...Well, teaching is almost a religion to me. I will complain from time to time, but—it is my life. The truth is, I like it...But the other truth, Anita, is that students today are not what they used to be. There is no love of literature. Not the way you and I learned it from Mother. Young people don't read at all today—outside of school requirements...It's not as if they aren't bright. They are (кырсув асрома). And I like them and their capacity for independence. But the other side of that independence is a lack of caring for anything beyond themselves*» [там же с. 4].

С одной стороны, этот отрывок становится доказательством образа мудрого, уравновешенного, преданного своей профессии учителя. Однако важно отметить, что в этих словах, вероят-

но, выражается авторская программа, отражается авторское идейное осмысление самой ситуации, авторская позиция. Говоря об отношении детей к школе, к окружающему, мисс Нарвин выражает точку зрения Ави: она говорит, чего не должно быть и что должно быть.

Кульминация произведения происходит, когда главного героя переводят в другой класс, к другому учителю английского языка, а учителя вынуждают уволиться и покинуть город. Однако креативность мыслей автора не останавливается на этом течении обстоятельств, читатель приходит к неожиданной развязке в самой последней главе романа, когда Филип, перейдя в новую школу, узнает, что там нет команды по бегу, ради которой и произошел весь конфликт в произведении, а также самое интересное, что происходит на последней странице: Филип расплакался, когда мисс Рунней (Miss Rooney), его новая учительница в Вашингтонской частной школе, просит его вести весь процесс пения гимна, потому что на самом деле он не знает слов гимна. Развязке романа присущи сатира, неожиданность, упрек.

MISS ROONEY: Class, this is Philip Malloy, who has just joined our school. Philip, you can sit right over there. We were about to begin. In fact, we usually begin by singing the national anthem. Maybe you'd like to lead us in that? Philip? Philip, what's the matter? Why are you crying?

PHILIP MALLOY: I don't know the words [там же с. 97].

Сатирическим становится всё, ради чего наш юный герой это сделал, всё – ложь, недосказанность и клевета – было тщетно, так как в школе, куда он перевелся, даже не существовало команды по бегу. Проблема разлада между подростком и окружающим его обществом пронизывает роман в двух параллельных сюжетах. Во-первых, занятые родители (отец боится потерять работу, мать беспокоится о содержании семьи) даже не подозревают, что их ребенок умалчивает о части событий, приведших к конфликту с преподавателем. Следующим примером воплощения этой темы в романе становится восприятие мисс Нарвин окружающего молодого поколения, пытающейся сравнить свое детство с настоящим окружающим молодым поколением, с той линией понимания и послушания детей по отношению к родителям и взрослым, что была в юности учителя. Тема сочувствия проходит через весь роман и показывает, как ложь, недоговорённость, страх потерять авторитет со стороны администрации школы, непонимание и содействие лжи губят мисс Нарвин в буквальном смысле слова и приводят к отстранению от любимого дела на долгое время, возможно, навсегда.

Книга представляет собой социальную критику и психологическое исследование манипуля-

торов. Единственный вопрос, на который сложно ответить, для чего эта манипуляция и кто из персонажей о ней знает. Подозревает ли главный герой, что он становится жертвой манипуляторов – всей власти, которая стоит и выжидает момента чтобы «сорвать куш», т.е. стать членом совета школы? Осознает ли герой, ставший марионеткой, пагубность своих действий и слов по отношению к жизни другого человека? В классе и среди сверстников Филип становится героем, хотя осведомленные дети стараются его избегать, а взрослые видят в нем злодея.

Манипуляция начинается в романе с семьи. Отец, мечтающий воплотить свои детские неисполненные желания через сына; начальник отца, который манипулирует отцом Филипа, хотя он соответственно выполняет всю работу. Другой пример манипуляции – образовательная система, манипулирующая школьной системой. Лозунгом школы является фраза «*Where Our Children Are Educated, Not Just Taught*» [1] (Где наши дети образуются, а не только учатся) (перевод наш. – И.Ж.), но объяснение в чем разница между словами «educate» (давать образование) и «teach» (учить) в романе не прослеживается. Не является ли данный лозунг следующей манипуляцией учеников и учителей школы?

Роль победы и поражения является очевидной темой романа. Тед Гриффин хочет победить на выборах и войти в совет директоров, доктор Сеймур планирует найти бюджет для своей школы, при этом не потеряв своего места, 14-летний ребенок пытается «сразить» учителя, который ему не угодил.

Дискурс, содержание и форма действительно оказывают драматическое влияние на традиционную интерпретацию данного романа. Читая роман, частички дневника Филипа Мэллой, его диалог с родителями и учителями, читатель начинает скрупулёзно анализировать информацию, чтобы найти доказательства борьбы героя против всего мира. Шаг за шагом герой хочет убедить себя в своей правоте, в своей честности. Ведя активный диалог с самим собой, читатель становится свидетелем внутреннего конфликта героя. Герой осознает, что, попросив дополнительное задание у мисс Нарвин, он решит все свои проблемы, однако не решается сказать правду никому о том, что в ответ на задание мисс Нарвин он написал, что его академическая успеваемость повлияла на его участие в спортивном состязании, и наконец о том, что на самом деле он не пел, а «издевался» над гимном Америки; также ему трудно принять свое поражение и, смилив свою гордыню, попробовать решить проблему с мисс Нарвин и английским языком самостоятельно.

Выше мы говорили о богатстве стиля и экспрессивности языка романа. Само заглавие про-

творечит сюжету романа: говоря «ничего кроме правды», автор показывает лживость главного героя, массовой культуры, системы в целом, администрации, которая, зная правду, поддерживает ложь чтобы угодить большинству, т.е. привычному восприятию вещей. Весь роман пестрит разнообразиями письменного формата и стилей. Автор часто прибегает к курсиву и изменению шрифта букв, как будто пытается сбить читателя с толку. Игра слов наблюдается в лозунге школы «*Where Our Children Are Educated, Not Just Taught*. Каламбур также встречается в сравнении слов «hum» и «sing», в то время как герой романа, напевающий с закрытым ртом и тем самым создающий эффект гула в классе, твердит, что он поет гимн. Оксфордский толковый словарь дает следующее определение слову «hum»: «to sing a tune with your lips» [3], в то время как Кембридж определяет его как «to make a continuous low sound» и «to sing without opening your mouth» [4], а словарь Мерриам дает значения «to utter a sound like a long \m\» и «to make musical tones with closed lips» [5]. В трех случаях действие, называемое «hum», является тем, что причиняет окружающим беспокойство и раздражение, в то время как вся страна, радио и газеты твердят о желании героя петь национальный гимн и симпатизируют якобы патриоту, который «wished to sing in the spirit of patriotism, was then forced to remain home alone, since both his parents work» [1, с. 77] (хотел петь как патриот, затем был вынужден остаться дома без присмотра, поскольку оба родителя работают) (перевод наш. – И.Ж.).

Другим языковым аспектом романа является его техническая сторона – роман богат неформальными идиомами, стенограммами телефонных разговоров, отрывками из писем, телеграмм, записями радиошоу, и мог бы стать отличным ресурсом для использования на уроке английского языка. Повсеместное использование сленга и слов разговорного стиля насыщает роман реалистичным тоном. Стиллю Сэлинджера, ставшему основоположником разговорного языка в молодежной литературе, присуще использование идиом, сленга, жаргонного языка, он первым ввел в литературу повествование не грамотного и образованного человека, а подростка с соответствующим ему языком.

Следуя селинджеровской традиции, роман Ави «Ничего кроме правды» богат идиомами, словами-сленгами и неформальными словами. Герой Ави, будучи подростком, говорит своим языком, и автор пытается его точно передать. Четко

наблюдается контраст языковых форм и лексики между деловой письменной речью, диалогами между учителями и среди детей. Таким образом, в диалогах среди детей мы видим разнообразие сленга и идиом: *have it in for someone* – взъесться на кого-либо, сердиться на кого-либо, *butt on you rlip* – заткнись! заткни пасть!, *shut your trap* – заткнись! заткни пасть!, *jerk* – придурок, *crap* – дерьмо, *to turn on the juice* – использование допинга, *buddies* – друзья и т.п.

Разговоры среди учителей характеризуются преобладанием уважительно-почтительного тона, деловой стиль присущ письмам и публицистический газетным статьям, в то время как записям в дневнике характерен краткий лаконичный разговорный стиль.

Среди остальных художественных деталей следует отметить сложность выявления в романе протагониста. Однако он также является антагонистом современного общества. Идейное начало романа берет слабая, легко подвергаемая влиянию элективная, т.е. избирательная, система среднего школьного образования США. Идея романа состоит в осознании того, что в руках сильных мира сего ложь является правдой. Расходятся мысли и слова директора школы, доктора Гертруды Доун (Dr. Gertrude Doana), которая в душе противится лживой «клевете» по отношению к мисс Нарвин, но ей не хватает смелости пойти против всей системы: на кону бюджет школы и выборы в совет директоров. Мысли и переживания двух «противоборствующих» сторон, ученика и учителя, отражены в записях в дневнике и письмах. Переживания директора школы находят выражение в диалогах с мисс Нарвин и школьным руководством – доктором Сеймуром.

Авторское представление о современной образовательной системе просматривается в словах доктора Сеймура (Dr. Seymour), руководителя школы: не настолько важна правда, насколько то, что обсуждается влиятельными людьми вокруг [1, с. 65]. Но когда история заканчивается, читатель видит абсурдность всего произошедшего: мальчику, который не сможет бегать по беговой дорожке из-за отсутствия в школе такой команды, предлагают играть в футбол, поскольку он хорошо бегаёт. Таким образом, тематически мы видим историю одной неудачной инициации.

Роман Ави «Ничего кроме правды» становится ярким примером литературы о молодежи. Ави сумел донести до читателя реалистичное событие из подростковой жизни с присущими ей речью и стилем.

Литература

1. Avi *Nothing but the Truth: A Documentary Novel* by Avi. New York: Scholastic INC., 2010.
2. Кржижановский С. Поэтика заглавий. М: Никитинские субботники, 1931.
3. Hum // *Oxford Learner's Dictionary* URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/hum_1
4. Hum // *Cambridge Dictionary* URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hum>
5. Hum // *Merriam Webster* URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/hum>

Нилуфар УСМАНОВА,
преподаватель,
Гулчехра ДАВЛЯТОВА,
доцент Ферганского государственного университета

СОВРЕМЕННЫЙ РЕЧЕВОЙ ДИСКУРС И НЕОРИТОРИКА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (сопоставительный подход)

Аннотация. Цель статьи – определить условия взаимодействия и соотношения речевого дискурса и неориторика языковой личности с применением сопоставительного подхода.

Ключевые слова: речевой акт, дискурс, риторика, дискурсивный анализ, традиционная риторика, языковая личность, неориторика.

Со второй половины XX века речевой дискурс начал активно изучаться в филологии, социологии, философии, а также в других гуманитарных науках. В современной научной парадигме лингвистического знания дискурс является одним из ключевых понятий. Основные учения о речевом дискурсе восходят к французской школе дискурсивного анализа. Французские учёные утверждают, что дискурс обладает собственной грамматикой, существует отдельно от языка и является порождением речи.

В трактовке Э.Бенвениста дискурс является речью, присваиваемой говорящему и противопоставленной объективному нарративу. Учёный выделил в высказывании речевой акт и коммуникативные ситуации, в которых он реализуется, а также средства, с помощью которых он может осуществляться. Э.Бенвенист соотносит дискурс с конкретными участниками речевого акта и с их коммуникативными намерениями воздействовать друг на друга. Для акта высказывания характерно подчеркивание сформированного в речи отношения к партнеру, который может быть как реальным, так и воображаемым, а также индивидуальным или коллективным.

М.Фуко рассматривает дискурс как большое количество высказываний, которые принадлежат единой формации. Кроме того, говоря о высказывании, учёный имеет в виду не собственно вербальное высказывание, а определённую часть человеческих знаний. Цель дискурсивного анализа, по мнению исследователя – определять историческое место каждого отдельного дискурсивного события. Из этого можно сделать вывод, что внеречевые факторы коммуникации наиболее значимы по сравнению с речевыми факторами. Для учёного дискурс является одно-

Annotation. The purpose of the article is to determine the conditions for the interaction and correlation of speech discourse and neo-rhetoric of a linguistic personality using a comparative approach.

Keywords: speech act, discourse, rhetoric, discursive analysis, traditional rhetoric, linguistic personality, neo-rhetoric.

временно и способом видения жизни, и способом её представления.

В.И.Карасик понимает дискурс как текст, погружённый в речевую ситуацию, и утверждает, что дискурс допускает большое количество измерений и взаимодополняющих подходов в изучении. Схожую позицию занимает Н.Д.Арутюнова, утверждая, что дискурс является связным текстом в совокупности с множеством факторов (экстралингвистических, прагматических, социокультурных, психологических и других), и описывает дискурс как речь, погруженную в жизнь.

Новым стимулом для изучения дискурсивного мышления языковой личности становится развитие неориторика – современной науки о природе, типах и средствах коммуникации, которая появилась во второй половине XX века и с тех пор стремительно развивается. Толчок к изучению неориторика дала книга Х.Перельмана и Л.Ольбрехтс-Титеки «Новая риторика», в которой Х.Перельман впервые привёл термин «неориторика». Цель неориторика – поиск определённых форм, алгоритмов и вариантов общения в современных условиях и различных речевых ситуациях.

Появление неориторика придало самому понятию «риторика» разные значения. В узком значении риторика является комплексной дисциплиной, изучающей ораторское искусство, в широком значении – это наука о коммуникации, способной воздействовать на человека с целью убедить его в чём-либо. Объектом риторики в таком случае являются любые разновидности речевой коммуникации, которые рассматриваются как средство воздействия на получателя определённого сообщения. Конечная цель речевого воздействия – побуждение аудитории к каким-либо коллектив-

ным действиям, а также отождествление аудитории и оратора. Оратор в неориторике является языковой личностью, автором текста, который должен не только воспитывать аудиторию, но и соответствовать тому, что говорит, т.е. обладать необходимым авторитетом и имиджем.

Если сравнивать классическую и новую риторику, то можно заметить, что неориторика больше внимания стала уделять исследованию роли языка в аргументации, чем рассмотрению рационально-логического устройства. В традиционной риторике человек считался существом рациональным, тогда как новая риторика провозгласила его существом прежде всего эмоциональным. В классической риторике окружающий человека мир казался гармоничным, а неориторика признаёт его хаотичность. Кроме того, в новой риторике претерпели изменения и сами взаимоотношения оратора и аудитории по сравнению с традиционной риторикой, рассматривавшей риторика и слу-

шателей как антагонистов: в противовес антагонистическим отношениям неориторика предлагает диалог и сотрудничество.

Неориторикой текст понимается как дискурс, т.е. как речевой акт, который сопровождается мимикой, жестиком, поведением собеседников и другими экстралингвистическими факторами, обуславливающими сущность речевого жанра. В неориторике дискурс можно описать как стратегию порождения и восприятия текстов, а также как способ вербального представления мира. Более подробное изучение структуры дискурса способствует обнаружению в нём взаимодействия субъектов речевого акта, среди которых говорящий (автор текста), слушатель (адресат текста) и реальность, отражающаяся в данном тексте. При взаимодействии с дискурсом речевой акт и высказывание выступают в качестве коммуникативного дискурсивного события, которое не может в полной мере исчерпать ни язык, ни смысл.

Использованная литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Научно-исследовательская лаборатория «Аксиологическая лингвистика». М.: ГНОЗИС, 2004.
4. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б.Раковой, А.Ю.Серебрянниковой; вступ. ст. А.С.Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.
5. Фуко М. Дискурс и истина / Пер. с англ. А.М.Корбуа. Белорусский государственный университет, Центр проблем развития образования. Минск: Проппели, 2006.